Когда ты мать-одиночка, воспитывающая одаренного ребенка, приходится идти на жертвы. Эмма Грейнджер знала это лучше, чем большинство, особенно после развода, через который она прошла, когда Гермионе было всего пять лет. Отец Гермионы не хотел иметь абсолютно ничего общего со своей дочерью после завершения развода... Но Эмма не просто пошла на полную опеку после такого заявления, она позаботилась о том, чтобы судья установил максимальную сумму алиментов на ребенка.

Если он собирался бросить ее и их маленькую девочку, она должна была убедиться, что он заплатит за это. И к чести этого человека (трудно было думать о нем даже как о ее бывшем муже, не говоря уже об отце ее ребенка), он все эти годы вовремя производил платежи, чек каждый месяц приходил на соответствующий счет в нужное время. Эти деньги помогли ей и Гермионе пройти через многие трудные времена за эти годы, и Эмма никогда не жалела о том, что последовала судебному постановлению, которое вынудило его заплатить их.

Тем не менее, ей все равно приходилось идти на жертвы на протяжении многих лет. Желая лучшего для своей дочери, Эмма не позволила этим жертвам коснуться чего-либо, что означало бы, что у Гермионы испортится жизнь. Она сохранила работу дантиста, и Гермиона поступала в лучшие школы. Это также означало, что Эмма отложила свои личные потребности на второе место.

Излишне говорить, что прошло довольно много времени с тех пор, как у нее в последний раз был любовник. Умом она понимала, что довольно красива и у нее не возникнет никаких проблем с привлечением поклонников, но в конечном счете решила, что на свете нет мужчины, который стоил бы ее времени. Даже после того, как Гермиона получила это письмо из Хогвартса, даже после того, как Эмма большую часть года провела в полном одиночестве, пока Гермиона училась магии... Отношения просто не были ей нужны.

Это не означало, что она все еще не нуждалась в определенном уровне... сексуального удовлетворения. Эмма разбиралась в секс-игрушках всех форм и размеров лучше, чем ей хотелось бы признать, и в конечном счете у нее было вполне здоровое либидо в ее возрасте. Хотя это было скорее то, чем нужно было управлять, чем заниматься, просто немного поддерживать здоровье, так же как принимать ежедневный душ.

Тем не менее, из-за всего этого Эмма не слишком уверена, что думать о содержании письма, которое она сейчас держит в руках. Гермиона пишет свой еженедельник уже много лет, с тех пор как уехала в Хогвартс. Письма ее дочери, безусловно, были бальзамом на душу Эммы, способом для нее оставаться на связи с ребенком, которому она так много отдала, ребенком, который теперь уносится в другой мир, в который Эмма не может последовать за ней.

Но все же... это конкретное письмо… облизнув губы, Эмма снова поднимает его, ее глаза бегают туда-сюда, чтобы убедиться, что она правильно прочитала его первые несколько раз. Но да. Слова не изменились с тех пор, как она в последний раз смотрела на них сверху вниз. В последнем письме Гермионы подробно рассказывается, как она приедет домой на выходные. Обычно это было бы фантастической новостью, хотя и немного неожиданной. Но она также написала своей матери, что она также приведет с собой компанию. А именно, ее парня, Гарри Поттера.

Так вот, Эмма ничего не имела против Гарри. К этому моменту она уже знала, кто он такой, письма Гермионы и их беседы за лето и праздники последних нескольких лет рассказали Эмме все, что нужно было знать об одном Гарри Джеймсе Поттере. Молодой человек был лучшим другом ее дочери, и, согласно нескольким историям Гермионы, он также был спасителем ее дочери.

Только недавно они сделали следующий шаг, но Эмма была так же счастлива услышать, что у Гермионы есть парень, как и услышать, что Гермиона нашла настоящую дружбу в Хогвартсе. То, что мальчик, занявший оба этих места, был одним и тем же, нисколько ее не беспокоило. Гарри был хорошим парнем, по мнению Эммы. Гермиона не держалась бы с ним так долго, если бы он не был таким, она хорошо научила свою дочь этому.

Проблема возникла из-за того, что Гермиона в последнее время начала присылать фотографии себя и Гарри вместе со своими письмами, так как они фактически стали парой. И... Эмме не хотелось это признавать, но Гарри Поттер был довольно привлекательным. Слегка покраснев от собственной предательской мысли, Эмма тем не менее откладывает письмо Гермионы, чтобы взглянуть на волшебную фотографию под ним.

Гермиона и Гарри стоят бок о бок, махая в сторону Эммы. Эмма может видеть другую руку Гермионы, зажатую между ней и Гарри, когда он прижимает ее к себе, но она не может увидеть вторую руку Гарри за телом Гермионы. Она смотрит очень пристально… вот оно снова. Картинка, конечно, повторяется, так и должно быть. Но ближе к концу, каждый раз, когда она заканчивается, происходят две вещи.

Сначала Гермиона подпрыгивает на несколько дюймов, а затем немного ерзает, прикусывая нижнюю губу. Во-вторых, улыбка гарри, когда он смотрит прямо в камеру, прямо на НЕЕ, становится немного злой, немного шаловливой. Эмма Грейнджер, возможно, немного заржавела. Возможно, она на какое-то время вышла из игры. Но она знает, как выглядит ущипок за попку. Она тоже знает, как выглядит удовольствие от этого щипка на женском лице.

Это заставляет Эмму фантазировать о том, какие отношения у Гарри и Гермионы. Они двигаются довольно быстро для парня и девушки? Всю свою жизнь Эмма жертвовала собой ради своей маленькой девочки, делая все возможное, чтобы Гермиона выросла здоровой, уверенной в себе и сильной. В это мгновение, однако, Эмма обнаруживает, что возбуждается, снова и снова наблюдая за фотографией, за румянцем и прикусом губ ее дочери, за которым следует дерзкая, понимающая ухмылка Гарри.

Она не должна... она действительно не должна... но в конце концов она это делает. Держа фотографию в одной руке, Эмма Грейнджер скользит другой рукой вниз по своему телу, просовывая ее под пояс брюк, покусывая нижнюю губу. Боже, она была в полном беспорядке… ей нужно было убедиться, что она выглядит презентабельно, прежде чем наступит пятница. В конце концов, она не хотела бы произвести плохое впечатление на любовника своей дочери.

-x-X-x-

Когда наконец наступает вечер пятницы, Эмма готова. За последнюю неделю она прошла целых девять ярдов, назначая встречи с людьми по всему городу. Ей сделали педикюр, массаж, как следует покрасили и уложили волосы, все, о чем она могла думать. Возможно, это было немного чересчур, но Эмма не оставила камня на камне. И вот она здесь, накрашенная и одетая во что-то... ну, немного более вызывающее, чем обычно. Ничего по-настоящему распутного или развратного, по крайней мере, по мнению Эммы.

Она не собиралась КРАСТЬ Гарри у Гермионы или что-то в этом роде. Вероятно, она показывала больше кожи, чем было уместно для ужина с дочерью и парнем ее дочери, но платье, которое она носила, было со вкусом подобрано, насколько она могла судить. В конечном счете, Эмма просто хотела посмотреть, сможет ли она получить еще одну из тех плутоватых улыбок от Гарри, на этот раз во плоти. Мамаша решила, что одного этого будет достаточно, чтобы на какое-то время успокоить ее, как только Гермиона и Гарри уедут в конце

выходных.

Звонок в дверь отвлекает ее от размышлений. Поспешно подойдя, милфовидная брюнетка используя зеркало в прихожей убеждается что она все еще выглядит презентабельно, а затем направляется к двери, распахивает ее с улыбкой на лице и делает шаг в сторону.

"Гермиона, дорогая. Я так рада тебя видеть. А ты, должно быть, Гарри. Я много слышал о тебе."

Гермиона быстро обнимает ее, а затем отстраняется, прежде чем Эмма успевает понять, что происходит.

"Эй, мам, мне нужно очень быстро подняться в свою комнату, сейчас вернусь!"

И вот так она остается наедине с Гарри, в то время как Гермиона практически перепрыгивает через три ступеньки за раз. Эмма мгновение смотрит ей вслед, задаваясь вопросом, видела ли молодая девушка вообще, во что была одета Эмма. Вероятно, нет, учитывая отсутствие реакции. А теперь она оставила свою мать совсем одну со своим бойфрендом-жеребцом. Когда Эмма поворачивается к Гарри, чтобы извиниться за грубость своей дочери, она обнаруживает, что слова застревают у нее в горле, когда она, наконец, по-настоящему понимает молодого человека.

У него есть аура, это первая мысль, которая проносится у нее в голове. Она никогда не была склонна к суевериям и тому подобному до того, как Гермиона узнала, что она ведьма, но как только Эмма узнала, что магия реальна, она провела множество исследований в области "магии", которой занимался ЕЕ мир. Кое-что из этого было очевидной чушью, но было ясно, что "присутствие" и "аура" были не совсем такими, потому что сам Гарри излучал какую-то серьезную силу, когда улыбался ей.

План Эммы просто выманить у Гарри еще одну плутоватую ухмылку вылетает в окно с уходом ее дочери и чувством того, что, черт возьми, это было, что нахлынуло на нее. Когда она делает шаг вперед, чтобы должным образом поприветствовать парня своей дочери, Эмма обнимает его, и, несмотря на свои прежние мысли о том, что она не хочет показаться распутной, она прижимает свои сиськи к его груди, когда касается тыльной стороной ладони его промежности.

Ее тон становится намного более хриплым, когда она повторяется.

"Приятно наконец-то познакомиться с тобой, Гарри".

Она наполовину ожидает, что он отреагирует так, как должен реагировать гормональный подросток, столкнувшись с красивой пожилой женщиной, демонстрирующей ему свои чувства. Однако другая ее часть, по правде говоря, ожидает, какой окажется реальная реакция Гарри. Таким образом, она лишь слегка удивлена, когда он отвечает ей взаимностью, хватая ее восхитительную задницу сзади, впиваясь пальцами в ее плоть под платьем, когда она извивается в его объятиях, едва сдерживая стон.

Эмма не может поверить, насколько она возбуждена прямо сейчас, близость их тел только помогает ей промокнуть насквозь за считанные мгновения. Это должно быть какое-то волшебство, но МИЛФа-дантист не может по-настоящему заставить себя думать об этом, даже когда Гарри понимающе подмигивает ей и наклоняется, чтобы прошептать на ухо.

"Я думаю, что в эти выходные нам будет очень весело, мисс Грейнджер".

Покраснев, Эмма открывает рот, чтобы попросить его называть ее по имени, но прежде чем она успевает произнести эти слова, в воздухе раздается голос Гермионы.

"Мама?"

Они расходятся, хотя Эмма делает это гораздо поспешнее, чем Гарри. Когда она поворачивается лицом к дочери, широко раскрыв глаза, она обнаруживает, что Гермиона тоже немного принарядилась и переоделась во что-то более удобное и немного более откровенное. Эмма на самом деле не знала, что у Гермионы был такой наряд.

Тем не менее, Гермиона не возмущена и не раздражена. Она даже не сердится, когда стоит у лестницы, слегка нахмурившись. Это больше похоже на озадаченное хмурое выражение, чем на что-либо другое, как будто Гермиона видит что-то, чего она не совсем понимает.

"Мама... Что на тебе надето?"

Теперь очередь Эммы краснеть от смущения, когда она проводит руками по своему платью, чтобы убедиться, что оно расправлено. Прикрывая свою оплошность улыбкой, пожилая женщина пожимает плечами.

"Что, я не могу хотеть произвести хорошее первое впечатление на парня моей дочери?"

Гермиона моргает при этих словах, ее глаза метнулись к Гарри. А потом ОНА краснеет и, как мать, тоже пытается скрыть это, небрежно пожимая плечами, пока спускается по лестнице.

"Я думаю, что обычно это парень хочет произвести хорошее первое впечатление, мама".

Гарри хихикает и, наконец, говорит из-за ее спины, привлекая внимание обеих женщин без особых усилий.

"О, я уверен, что так и сделаю".

Ни у матери, ни у дочери на самом деле нет ответа, который можно было бы дать перед лицом уверенности Гарри. За исключением того, что они краснеют и еще больше ерзают, само его присутствие возбуждает их. В конце концов Эмма берет себя в руки и увлекает их обоих в столовую, где она приготовила настоящий пир на ужин.

Здесь она считает, что сможет вернуть себе часть своей гордости. Возможно.

-x-X-x-

http://erolate.com/book/1517/47413